

4. Огарев Н. П. Стихотворения и поэмы. М. : Сов. Россия, 1980.
5. Топоров В. Н. О статусе и природе заговора (теоретический аспект) // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора. 1. М. : Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1988. С. 22–24.
6. Фет А. А. Стихотворения. М. : Правда, 1983.
7. Шокальский Е. О реликтах древних мистерий в лирике Николая Клюева. URL: <http://kluev.org.ua/collegium/misteria.doc>.

Г. И. Тираспольский

Визуализация языка как лингвистическая фикция

УДК 340(37)(038)

В статье подвергнут критическому анализу один из наиболее распространённых методов описания языка, рассмотрены некоторые важные вопросы теоретической лингвистики.

Ключевые слова: визуализация, фикция, лингвистический метод, гиперязык.

Tiraspol'skij G.I. The language visualisation as a linguistic fiction.

In article will subject to the critical analysis one of the most widespread methods of the description of language, some important questions of theoretical linguistics are considered.

Key words: visualisation, fiction, the linguistic method, hypelanguage.

Произведённое Ф. де Соссюром решительное разграничение языка и речи стало поворотным пунктом в развитии лингвистики прежде всего потому, что пролило яркий свет на важнейшие свойства предмета лингвистических исследований. Благодаря этому язык вообще (далее — гиперязык) предстал перед умственным взором мыслящих языковедов как противоречивое единство материального (вещественного, осязаемого), воплощаемого в речевых процессах, и мнэмы (наш термин) — идеального (невещественного), находящегося в памяти

людей как средство производства и восприятия речи. Впрочем, сам Ф. де Соссюр в дихотомии «мнема — речь» главным считал оппозицию «социальное — индивидуальное», стремясь тем самым преодолеть заблуждение младограмматиков, пленённых чарами индивидуалистической психологии и опрометчиво заявивших, что «языков столько же, сколько индивидов». Такая особенность истолкования Ф. де Соссюром мнемы и речи нисколько не снижает теоретической ценности его учения, которое в наши дни обрело повышенную актуальность в связи с широкой полосой заблуждений, охвативших языкознание последних десятилетий.

Как это нередко случалось в истории языкознания, с прогрессивным новшеством продолжают уживаться отсталые представления о гиперязыке, которые, рядясь в одежду новых теорий, если и не заслуживают ту или иную светлую идею, то доводят её до абсурда. Об этом и поговорим в нашей заметке.

Самым наглядным примером досадного симбиоза верной лингвистической теории и ложных представлений о гиперязыке стало, несомненно, широкое распространение так называемой стратификационной модели языка, разработанной Э. Бенвенистом, С. Лэмом, Г. Глисоном и Д. Локвудом, подхваченной другими исследователями (подробнее см. [5, с. 67–70], [7, с. 202–204]) и утвердившееся в учебниках и учебных пособиях как всепобеждающее учение (см., напр.: [3, с. 137–148], [4, с. 32], [5, с. 27–28], [7, с. 135–138]).

Согласно стратификационной модели, гиперязык состоит из горизонтально расположенных слоёв (пластов, уровней, ярусов), подобно тому как из нескольких коржей испечён торт «Наполеон». Эти слои определённым образом взаимодействуют, кое-где пересекаются, вследствие чего в гиперязыке, кроме так называемых основных уровней (ярусов) — фонетического (фонемного), морфологического (морфемного), синтаксического и лексического — существуют и промежуточные уровни: словообразовательный и фразеологический. О содержании стратификационной теории и её поистине наполеоновском замахе едва ли стоило напоминать, поскольку она и без того досконально известна всем, кто так или иначе причастен к теоретической лингвистике. Мы делаем это лишь для того, чтобы читатель полнее вкусил её наглядность, острее ощутил её телесность, которая и обеспечи-

ла ей неотразимую популярность. Всё бы ладно, однако, как говорится в народе, есть тут, братцы, закавыка: никто из авторов этой модели и даже самые рьяные её сторонники не могут поклясться, что когда-либо созерцали или осязали наяву эти напластования. И неспроста: поскольку язык (мнема) существует в идеальной, т.е. невещественной форме, он не имеет субстанциональных характеристик: веса, цвета, вкуса, запаха, электрического заряда, теплопроводности и всего прочего телесного, а главное — в применении к нашему случаю — пространственных свойств. Вот почему её, мнему, невидимую, неслышимую и ничем не пахнущую окаянную (опять-таки пользуясь народным выражением) и с кобелями не сыщешь, ну а соотнося со стратификационной моделью — никаких в ней коржей, углов, изгибов, впадин, улиц, закоулков, пластов, ям, рытвин, колдобин, буераков и прочих пространственных красот не узришь.

Стало быть, стратификационная модель гиперязыка — не что иное, как ф и к ц и я , т.е. положение, которому ничто не соответствует в действительности, но которым пользуются как допущением с целью более внятного и доступного изложения сведений о том или ином объекте (в нашем случае — гиперязыке). Сказанное не следует воспринимать как отрицание качественных различий между фонетическими, грамматическими, лексическими и другими единицами и отношениями гиперязыка или как стремление бросить в стратификационную модель гиперязыка злобный камень. Такая модель с её терминологией полезна и необходима, но только и исключительно в качестве фикции, т.е. условного допущения. Забвение этого факта приводит к тому, что стратификационной модели необоснованно приписывают онтологический статус, тем самым сводя на нет принципиальное различие между мнемой как идеальным (невещественным) объектом и речью как его материальным воплощением.

Напоминание о таком теоретическом изыске было бы излишним, если бы производился он только от случая к случаю и в трудах, не претендующих на широкие обобщения. Увы, не избежали его и солидные теоретические трактаты. Так, в одном из них читаем: «Уровни [гиперязыка — Г.Т.] представляют собой относительно автономные системы, обладающие набором единиц и сеткой связей (структурой)» [11, с. 84]. Как видим, и здесь производится визуализация мнемы, ко-

торая предстаёт перед нами в качестве субстанционально воплощённого объекта. И хотя совокупность («сетка») связей между его единицами — структура — признаётся нематериальной, сами его единицы в таком истолковании квалифицируются как вещественные, а следовательно, и уровни мнемы неизбежно должны быть причислены к таковым.

Примитивность стратификационной модели бросалась в глаза многим языковедам, в том числе и тем, кто не вникал в онтологию гиперязыка, но стремился выявить в нем изоцрѐнные связи. Так возникла полевая модель гиперязыка [8, с. 204–208]. В ней содержится плодотворная мысль о существовании в гиперязыке ряда единиц переходного, промежуточного типа, а также о наличии в кругу грамматических явлений центра и периферии. Ахиллесова пята этой концепции, однако, в том, что названная гибридность языковых единиц в ней подчас непомерно преувеличивается (что вредит уяснению их качественной определённости и расслабляет исследовательскую мысль), а различие между мнемой и речью нередко игнорируется, особенно в трудах по так называемой функциональной грамматике, где тонко и остроумно выявленные смысловые оттенки, переливы и полутона порой необоснованно толкуются как мнемические, а мнемические часто не замечаются или недооцениваются. Вот характерный пассаж из трактата, провозгласившего полевую природу грамматических явлений: «...границы между отдельными грамматическими явлениями в сфере парадигматики часто трудно уловимы. Эти явления оказываются не строго очерченными и замкнутыми образованиями, хотя в отдельных случаях такая структура возможна. От них исходят проекции, теряющиеся вдали» [1, с. 48].

Главным же изъяном полевой модели является всё та же визуализация мнемы, которая, будь она субстанциональным объектом с громадой степных просторов, наверняка бы стала объектом художественного изображения А. П. Чехова в его повести «Степь» или получила бы музыкальное воплощение в русской народной песне «Степь да степь кругом...», а также, быть может, в своей девственной нетронутости предстала в романе М. А. Шолохова «Поднятая целина»...

Оставим, однако, лирические мечтания и вернёмся к суровой лингвистической действительности. Бойко состряпанная детским психологом Н. Хомским и трескуче явившаяся миру пресловутая ге-

неративная грамматика, как бы там ни витийствовали с пеной у рта правоверные хомскианцы, — ещё один прискорбный пример неряшливой визуализации гиперязыка. Если стратификационная модель языка предстаёт перед нами в геологической или кулинарной наготе, то изделие Н. Хомского, карикатурно следующее современной генетике, снабжено мистической начинкой — так называемой глубинной структурой, никогда и нигде не явленной, но ведомой лишь её хитроумному создателю (попутно заметим, что того же поля ягода и так называемая скрытая грамматика, усердно насаждаемая в одном из сочинений [1, с. 78–94]). Так совершилась подмена научного исследования набором шаманских галлюцинаций, простецкая визуализация которых в виде «деревьев зависимости» напрочь заморочила головы некоторым лингвистирующим личностям, в подражание своему кумиру заполонившим страницы грамматических трактатов бесчисленными каляками-маляками. В сих развесистых чертёжных джунглях мог зародиться какой угодно псевдонаучный уродец — и он зародился, получив название когнитивной лингвистики. Анализ этого чудика-юдика составляет, впрочем, отдельную тему, поэтому оставим его в стороне и вернёмся к главному сюжету нашего повествования.

Тяга к визуализации оказалась настолько неукротимой, что проникла и в те области теоретической лингвистики, которые без неё вполне могли бы обойтись. Не миновала эта участь и семиотическое истолкование гиперязыка, хотя, казалось бы, учение о языковом знаке в отношении наглядности знака самодостаточно. Воистину, как заметил Козьма Прутков, усердие иногда превозмогает рассудок.

С особенной остротой навязчивая визуализация дала о себе знать в тезисе о двусторонности (билатеральности) языкового знака. Согласно этому утверждению, знаковыми свойствами в гиперязыке наделены и план выражения (звучание или графическое изображение языковой единицы), и план содержания (значение, семантика). Если последовательно развивать эту мысль, знаковой придётся признать и значимость — семантическую добавку, порождаемую сочетаемостью значимых языковых единиц и открытую, как известно, всё тем же Ф. де Соссюром, чью заслугу в этом отношении едва ли можно переоценить (хотя и не исключено, что эта светлая идея Ф. де Соссюра была навеяна учением Карла Маркса о прибавочной стоимости, воз-

никающей в процессе производства благодаря взаимодействию рабочей силы и производимого изделия).

К понятию значимости мы ещё вернёмся, а пока рассмотрим вопрос об упомянутой двусторонности языкового знака. Как верно полагают А. Н. Савченко и другие исследователи, «только звуковая сторона языковых единиц может быть признана знаковой» [10, с. 21], если, разумеется, считать знаком не всё, что нам заблагорассудится, а лишь тот объект, который служит заместителем (представителем) другого объекта (денотата) с иным качеством. Денотаты (обозначаемые объекты) — и это очень важно — по своим важнейшим свойствам делятся на две главные группы: 1) денотаты материальные (вещественные, телесные) и 2) денотаты идеальные (невещественные, нематериальные, несубстанциальные). Простейшим примером первых может служить извилистая дорога, обозначенная предупреждающим дорожным знаком . В принципе любой материальный объект при необходимости может быть замещён знаком, и мы широко (с соизволения нашей мощи) этим пользуемся, применяя денежные знаки в качестве заместителей соответствующих предметов. В свою очередь, идеальные денотаты также делятся на две категории: 1) внеязыковые и 2) языковые. К первым относятся внеязыковые явления, не имеющие непосредственной вещественной оболочки: процессы, признаки и разного рода отношения между материальными объектами. Так, совершая сделку по обмену квартир, мы замещаем один материальный объект другим, но, например, услугу парикмахера мы не можем заместить адекватным материальным объектом, вследствие чего такая услуга семиотически равноценно вознаграждается только денежными знаками. И всё же у парикмахерской услуги есть то счастливое свойство, что она непосредственно наблюдаема и косвенно воплощается в материальных свойствах: в движениях рук парикмахера, в изменении внешности клиента и др. Совсем иное дело — языковые (мнемические) единицы. Не имея материальных (вещественных, телесных) свойств, они не поддаются непосредственному наблюдению и уже только по этой причине обречены на сосуществование со знаками. В составе мнемических единиц также содержатся два класса: 1) единицы асемантические (незначимые) и 2) единицы семантические (имеющие значение). К первым относятся

фонемы и их признаки (дифференциальные и интегральные), ко вторым — все остальные, важнейшими из которых являются полнозначные слова.

Как видим, мир знаков и знаков не прост, поэтому едва ли можно согласиться с А. Н. Савченко [10, с. 24], считающим удачной следующую формулировку Л. О. Резникова: «Знак есть материальный, чувственно воспринимаемый предмет (явление, действие), выступающий в процессе познания и общения в качестве представителя (заместителя) другого предмета (предметов) и используемый для получения, хранения, преобразования и передачи информации о нём» [11, с. 9]. Здесь, как видим, ничего не говорится об идеальных (невещественных) денотатах (внеязыковых и языковых), что лишний раз свидетельствует о том, что в прожорливый буерак вульгарной визуализации гиперязыка способны угодить и глубокие умы.

Что касается связи между фонемой как совокупностью навыков говорения и понимания, хранящейся в памяти человека, с одной стороны, и соответствующего звука — с другой, то двух мнений здесь быть не может: звук в этой корреляции выступает знаком (материальным представителем) фонемы. Сама же фонема и её признаки как явления идеального (невещественного) ряда, бесспорно, знаковыми свойствами не обладают. Не имеют таких свойств, соответственно, и мнемические образцы звуковых оболочек значимых единиц языка. Но стоит лишь обратиться к смысловой стороне этих единиц, как тут же начинается досадная кутерьма. Так, в одном из лучших учебников по курсу «Введение в языкознание» читаем: «Значение, выражаемое словом или морфемой, есть содержание соответствующего знака» [4, с. 28]. Если дело обстоит так, придётся признать, что содержанием, например, господина Икс как представителя Республики Игрек в Организации Объединённых Наций является именно эта Республика, а не то, что, скажем, содержится в памяти этого почтенного джентльмена. Хотя абсурдность такого утверждения очевидна, учебная и, увы, научная лингвистическая литература до рези в глазах и коллик в печёнках пестрит подобными формулировками и рассуждениями.

Мы никогда не выйдем из сумрачного лабиринта заблуждений, если не признаем, что семантика (смысловое содержание, значение слова и морфемы) — это о т о б р а ж е н и е внеязыкового предмета,

его идеальный (невещественный) образ в психике человека и, стало быть, интеллектуально обработанная копия предмета, но никак не его знак (заместитель, представитель).

Если сбросить с себя цепкие путы визуализации, надо будет признать, что содержанием языкового знака является только сам знак как набор некоторых вещественных (субстанциональных, материальных) свойств, в то время как семантика (в том числе значимость), тесно связанная со знаком и без знака обречённая оставаться, как говорил Иммануил Кант, вещью в себе (*Ding an sich*), не может войти в состав знака, не способна слиться с ним в единое целое именно потому, что она, в отличие от знака, идеальна (невещественна, несубстанциональна) и именно для того, чтобы всплыть из незримых глубин психики и стать доступной собеседнику, нуждается в материальной опоре, в вещественном заместителе, в телесном посреднике.

Наше повествование останется неполным, если не затронуть вопрос о предпосылках и предыстории визуализации. Как известно, бóльшую часть сведений об окружающем мире (свыше 80 %) мы получаем при помощи зрения. Не случайны поэтому «глазастые» пословицы и поговорки («Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать», «Не доглядишь оком, так заплатишь боком», «Свой глаз что твой алмаз», «Свой глаз лучше родного брата», «Свой глаз — нажива», «Не верь своему брату родному, верь своему глазу кривому», «Гляжёное лучше хвалёного» и др.), суеверные представления о так называемом сглазе, множество стихов, романсов и песен об очах (но никак не об ушках, губках, носиках и крайне редко — о заманчивых выпуклостях) милых женщин. В истории языкознания пионером визуализации был, вероятно, Август Шлейхер, создавший теорию родословного древа и изобразивший в своём «Компендиуме» соответствующую схему. Его ученик и оппонент, Иоганн Шмидт, выдвинув «волновую теорию», также, разумеется, прибег хотя и к иной по очертаниям, но всё той же визуализации. Дальше в лес — больше дров: стараниями структуралистов визуализация приобрела поистине гомерический размах. О дальнейших похождениях этой особы мы уже говорили.

Таким образом, визуализация как приём, полезный для наглядного изображения и восприятия свойств гиперязыка, несомненно, должна оставаться в арсенале лингвистической науки и преподавательской

деятельности. Но знай, сверчок, свой шесток — и фикции-визуализации негоже игриво сигать по чужим шесткам и лукаво егозить по укромным пристанищам, иначе ещё не раз придётся нам пожинать гнилые плоды заблуждений и покорно хлебать мутные щи благоглупостей.

1. Адмони В. Г. Основы теории грамматики. М. ; Л. : Наука, 1964.
2. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л. : Наука, 1972.
3. Кодухов В. И. Общее языкознание. М. : Высшая школа, 1974.
4. Маслов Ю. С. Введение в языкознание. 2-е изд., перер. и доп. М. : Высшая школа, 1987.
5. Мыркин В. Я. Введение в языкознание. Архангельск : Поморский ун-т, 2005.
6. Общее языкознание: Внутренняя структура языка. М. : Наука, 1972.
7. Общее языкознание / под общ. ред. А. Е. Супруна. Минск : Вышшая школа, 1983.
8. Попова З. Д., Стернин И. А. Общее языкознание. 3-е изд., перераб. и доп. М. : АСТ-Восток-Запад, 2007.
9. Резников Л. О. Гносеологические вопросы семиотики. Л. : Изд-во ЛГУ, 1964.
10. Савченко А. Н. Язык и системы знаков // Вопросы языкознания. 1972. № 6. С. 21–32.
11. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М. : Наука, 1997.